Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

В Новосибирск, в Новосибирск!

21.01.2019.

Сцена из спектакля "Три сестры" Тимофея Кулябина (© Victor Dmitriev)

Так случилось, что в последние пару месяцев я с головой окунулась в творчество 35-летнего российского режиссера Тимофея Кулябина, к которому ранее – и теперь уже можно в этом признаться – относилась с долей настороженности: скандальная история с «Тангейзером» оставила-таки пресловутый душок. Но он начал рассеиваться после первой встречи с Тимофеем в Цюрихе, после восторга нашего авторитетного корреспондента от поставленной им там «Норы», а затем, уже в декабре в Москве, после увиденных великолепного «Иванова» в Театре Наций и не менее великолепного «Дон Паскуале» в Большом, исчез окончательно. Так что приезда «Трех сестер» в Женеву я ожидала уже с долей нетерпения. Но и с опаской, помятуя недавний опыт.

И вот в прошлый четверг я отправилась на первое представление в «Театр Волка», с радостью встретив в театре нескольких наших читателей, откликнувшихся на публикацию интервью Тимофея Кулябина. Заметим к слову, что в интервью этом

режиссер сказал чистую правду – и про классичность постановки, и про новые требования к актерам, и про величие текста.

Друзья, не буду оскорблять вас пересказом содержания «Трех сестер» и перейду сразу к делу.

Сцена из спектакля "Три сестры" Тимофея Кулябина (© Victor Dmitriev)

Если кратко – без претензий на талант, – то главное, что понравилось мне в этом спектакле, это безусловная верность режиссера Чехову: и по форме, и по содержанию. Указанное в афише «Три сестры» Антона Чехова», без всяких там «по мотивам», соответствует действительности. Это – Чехов.

Начну с формы, с ней проще. Антон Павлович, как известно, четко определял жанры своих сочинений и, записав «Три сестры» как драму, знал, что делал. Драма как жанр, помним мы из университетской программы, получила особое распространение в литературе XVIII - XXI веков, постепенно вытеснив трагедию и «заменив» героику бытовыми сюжетами и более приближенным к повседневной жизни стилем повествования, вернее, диалогов. Такое развитие можно считать логичным, ведь трагедия – явление скорее исключительное, а драмы есть почти в каждой семье. В «Трех сестрах» драм разного уровня глубины ровно столько же, сколько и персонажей – четырнадцать: все они по-своему несчастны, и каждую из этих человеческих драм Тимофей Кулябин донес до зрителя. Может показаться, что исключение составляет Наталья, но так ли это: большая ли радость жить с одним, а рожать от другого?! (Предвосхищая комментарий въедливого читателя, оговорюсь: да, для Анфисы – единственной! – все кончается хорошо, но ведь и у нее была своя драма – страх быть выброшенной на улицу.)

Чехов задумал свое произведение как пьесу в четырех действиях, видимо, тоже не без оснований. Но не припомню я современной постановки, которая учитывала бы это указание автора: редко можно увидеть сведение четырех действий до трех, чаще – до двух, а то и вообще без антракта играют. Но это уже когда «по мотивам». Понятное дело, век у нас быстротечный, все спешат, терять зрителей не хочется, а кто высидит 4,5 часа? И я не в претензии, просто подчеркиваю – Тимофей Кулябин на этот риск пошел и не просчитался: зал все эти четыре с половиной часа (четыре действия разбиты тремя 12-минутными антрактами) то не дышал, замирая от сопереживания героям, то бурно реагировал – смеясь и плача. Одна сидевшая за нами дама от удовольствия даже похрюкивала. Ну, делаем скидку на особенности года. А если серьезно, то, оказавшись в зрительском зале между почтенной пожилой парой и 18-летним юношей, мы не могли не наблюдать, с радостью, что реагировали они совершенно одинаково.

Сцена из спектакля "Три сестры" Тимофея Кулябина (© Victor Dmitriev)

В наложении современных способов коммуникации на классический текст и традиции классического театра, в выстраивании новых отношений «зритель – театр», «зритель – текст», «зритель – спектакль» - безусловное новаторство постановки, время действия в которой сразу не определишь, но имеет ли это значение? Да, айфоны соседствуют на сцене с самоваром, а Федотик обожает делать селфи, в которое не хочет попасть Чебутыкин в своих давно вышедших из обихода кальсонах.

Ну и что? Ведь чеховские сестры в прочтении Кулябина не превратились в банковских клерков, сидящих за компьютерами. Совершенно очевидно, что для режиссера фактор времени не слишком важен, а важны новые виды отношений, суть которых, как и суть самих людей, не меняется, гарантируя шедевру Чехова вечную жизнь.

Еще одной большой заслугой режиссера я считаю то, что, лишив актеров дара речи, он вынуждает зрителей читать текст, от начала до конца: действие сопровождают полные версии «Трех сестер» на французском и английском языках, без купюр. (Заметьте, 23 января английские титры будут заменены русскими – не все же, в конце концов, помнят пьесу наизусть!) Я уверена, что каждый обратил внимание в тексте на что-то свое, мне же бросилась в глаза обойденная раньше вниманием обращенная к Маше реплика Вершинина: «Русскому в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко?» Не дает Маша ответа, лишь отвечает вопросом на вопрос.

В отсутствие произносимых монологов/диалогов на первый план в спектакле выступают многочисленные звуки, обычно довольствующиеся ролью фона. Мы чутко прислушиваемся к свисту самовара и вздрагиваем от пронзительного свистка Маши, разделяя негодование Ирины по поводу последнего. Реагируем на тиканье старых часов и шарканье – невероятно выразительное! – тапок Анфисы; морщимся от фальшивых звуков скрипки Андрея и от пьяного мычания Чебутыкина. Холод сковывает живот от набата, извещающего о пожаре, и от поминального колокола.

По кому же звонит колокол Чехова? По жизням, растраченным на бессмысленное ожидание, по несбывшимся мечтам, по разбившимся иллюзиям, по невстреченной или неразделенной любви. Вряд ли был в зале хоть один человек, в чьем сердце не отозвались удары этого колокола. Звуковое и световое оформление спектакля играют в нем важнейшую роль, аккуратно ведя публику от чуть ли не комедии в первом действии до граничащей с трагедией драмой в финале.

Отдельных высочайших похвал заслуживают артисты – весь исполнительский состав в целом и каждый актер в отдельности, и не только за то, что выучили язык глухонемых. Правильно сказал Тимофей Кулябин: конечно, им гораздо сложнее играть без слов, без текста, за который можно спрятаться. Но зато какие новые резервы обнаруживаются, какие средства экспрессии! Никакими словами не заменить полный ненависти и презрения взгляд, бросаемый Машей на заснувшего за столом с открытым ртом Кулыгина, или бесконечную тоску во взоре навсегда расстающегося с Ириной Федотика. И нормальным кажется, что Ирина, не желающая слышать признаний Соленого, не уши себе затыкает, а закрывает руками глаза. А в голове все крутилось вполне бытовое стихотворение Андрея Вознесенского «Кассирша», где есть «О, слез этих запах в мычащей ораве».

Сцена из спектакля "Три сестры" Тимофея Кулябина (© Victor Dmitriev)

Удивительное дело: когда на сцене появляется Ферапонт и вдруг заговаривает с Андреем человеческим, так сказать, голосом, то это звучит как полный диссонанс, настолько мы, зрители, уже адаптировались к иной манере взаимодействия. Но и здесь Кулябин верен Чехову. Вернувшись за полночь домой, я не поленилась взять с полки 9 том Собрания сочинений и свериться с оригиналом. Все правильно, вот это

место:

«Ферапонт: Не могу знать… Слышу-то плохо…
Андрей: Если бы ты слышал как следует, то я, быть может, и не говорил с тобой.»

И не важно, что в спектакле Андрей и не говорит вовсе, важно, что перед нами – диалог глухих, в который вовлечены все персонажи, отчаянно пытающиеся докричаться друг до друга и в упор друг друга не слышащие!

Имеющие глаза, да услышьте! Вот наш совет всем, кто еще не посмотрел этот прекрасный спектакль, билеты на который можно приобрести здесь.

русский театр в Швейцарии

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/v-novosibirsk-v-novosibirsk*